

Овчаров Сергей
(режиссер)

30.1.02

Утро стрелецкой казни

Сергей Овчаров экранизировал «Сказ про Федота-стрельца»: театральную сказку-хит Леонида Филатова времен перестройки и гласности

Независимая. - 2002 - 30 янв. - с. 8.

Вадим Рутковский

Поэма Леонида Филатова называлась, если помните, «Сказ про Федота-стрельца, удалого молодца» и была zelo популярна на заре 90-х. Сказывалось в ней о нещадно притесняемом стрельце Федоте, коего номенклатура – изверг-царь и генерал-сластолюбец (не без содействия злокозненной Бабы-яги) – гоняли то за ковром, «чтоб на ем была видна, как на карте, вся страна», то за оленем с рогами из золота. Стрелец все задания исполнял, а в весьма радужном финале закатывал пир на весь мир – в честь освобождения народа от царского ярма.

В начале 90-х переполненные концертные залы слушали чтеца-Филатова раскрыв рот и залиристо хохотали над нехитрым эзоповым языком: «Я за линию твою в Соловках табе сгною» – о, как смело! Либеральный пафос приказал долго жить; ни на слог не измененный текст Филатова приобрел у Овчарова нигилистический окрас.

Новый сказ ведется из «прекрасного далека», которое, по Овчарову, вовсе не далеко и довольно отвратительно. Про Федота вешает старый, изрытый язвами бомж, внимают ему еще более уродливые панки, заседающие в мазутных лужах где-то посреди пережившей экологическую катастрофу Москвы. В мрачном будущем по выжженным кислотными осадками полям бродят трехголовые пегасы;

сказовое прошлое, начинающееся с панорамы мертвецки пьяного (буквально!) города, не намного краше. Словосочетание «удалой молодец» из названия исчезло. И то правда, Федот (Константин Воробьев) – всем хмырям хмырь, неказистый бездельник, Федот, да не тот. Не тот лубочный муж, что лапти плетет, когда жена нити прядет. Наш Федот токмо слезы льет на перистую грудь лесной птицы-голубицы Маруси, а та, пользуя труд пейсатых слуг Тита Кузьмича и Фрола Фомича, и ковер достает, и оленя в полон берет. Покуда, ужаснувшись последнему требованию царя – доставить «То-Чаво-Не-Может-Быть», – хитрые господа в ермолках не улетают за тридевять земель, от греха подальше.

Сергей Овчаров – автор «Небывальщины», «Оно» и «Барбаниады», режиссер единственный и неповторимый, уже без малого два десятка лет работающий в жанре лубка, «русской народной картинки». Диковинку эту в былые времена прозывали подпольной песней. В «Федоте» Овчаров держится корней как никогда ранее, его «Федот» – именно что подпольное панк-кино, смешная и жутковатая стопка игриво расписанных открыток, вполне себе следующих традиции лубка-«простовика». Овчарову впору голосить, подобно ярмарочным торговцам: «Кому смертные грехи, кому будущее на том свете». Тот свет (читай – Америка) тоже появля-

ется: уморительный выход заморской заразы – от Фредди Крюгера до пары культуристов – сильная выдумка, на которые Овчаров щедр. Чего стоит один То-Чаво-Не-Может-Быть в чудовищном облике наполовину обритого Виктора Сухорукова, или Генерал Владимир Гостюхин, обращенный в зайца. Ничего святого нет у человека Овчарова: финальный пир с убийством народного героя Федота – вот вам и весь сказ.

Овчаров собрал отменный актерский ансамбль – истинному мутанту Сухорукову, нарек-

шему себя «русской Джульеттой Мазиной», для завершения кунсткамерной коллекции ролей одного только Чаво-Не-Может-Быть и не хватало. Гостюхин с удовольствием повторил собственную роль из раннего овчаровского шедевра «Левша». Выдающийся, но, увы, недооцененный Сергей Донцов сыграл штатную жертву пыток, Андрей Мягков – Царя, Ольга Волкова – Бабу-ягу. Но утверждать, что набора популярных лиц достаточно для превращения «Федота» в народный фильм, я бы не рискнул. Равно как и предсказы-

вать ему участь тех лубочных открыток, что запали в душу некрасовскому крестьянину, той жертве массового искусства, что при пожаре нет чтоб скорее взять целковые, «а он сперва к картиночкам, стал со стены срывать». Для «широкой публики» Овчаров слишком особ, а сам фильм для той же публики чересчур статичен. И критичен – известно же, что картиночки, на которых медведь с козой прохладается, на музыке своей забавляется, куда популярнее тех, на которых Парамошка Авоську за волосы дерет. ■

Немаленькая Баба-яга (Ольга Волкова).

Кадр из фильма «Сказ про Федота-стрельца»